

Оглавление

<i>Алексей Малашенко. И поумнеете, и отдохнете</i>	9
Великий обман	11
В гостях у сказки	15
«Хорош выбор — между удавкой и веревкой!»	21
Действующие лица	25
Глава первая. Пыль в глаза	31
Визит с дамой (июль, 1931)	33
«Русские не так глупы...»	37
Крамольные вопросы (декабрь, 1931)	39
Фантаст в Кремле (июль, 1934)	43
Кремль, 23 июля 1934 года	48
«Фабианские отклонения»	51
Биограф вождя	53
«Писателей надо заинтересовать материально»	54
«Человек с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата»	56
«Совесь Европы» (июнь 1935 года)	59
Съезд писателей, август 1934 года	62
«Учеников-ударников топили в колодце»	65
Товарищ жена	68
Между струй	73
Из секретного дневника Роллана	81
Глупость умных людей	84
Глава вторая. Прозрение «лучшего друга»	86
Фашизм без берегов	89
Визит по первому классу	93
«Если друг оказался вдруг...»	104
Наш ответ Андре Жиду	106
«Эстет о Советском Союзе»	109

Глава третья. «Сталин их вождь, а Фейхтвангер их Гомер»	. . . . .	113
Шпионские страсти		116
Крестьяне и евреи		118
Борцы и работники		121
Особое мнение		126
Кто кого пытал?		130
«Почему они признавались?»		132
Подлог и подкуп		134
Двадцать лет спустя		140
Глава четвертая. «Чудаки»	. . . . .	143
Проданные сокровища		145
Сын кайзера		151
Еще один друг-враг		154
«Я жгу Москву»		156
«Я жгу Париж»		160
Немного о кухарках		162
Личные мотивы		164
Отъезд		167
Глава пятая. Техника гостеприимства	. . . . .	169
Под присмотром		172
Вокруг Кремля		173
Немец в Кремле		175
Новая религия		176
Приглашение в колхоз		177
На выездной сессии		181
Болшево		183
Брегет Эдуарда Эррио		191
Мы стали более хуже одеваться (только цитаты)		192
В ресторане		196
Лимоны		198
В магазине		199
«Цепь золотую снес в Торгсин...»		202
Жалобы интуристов		204
«Это для иностранцев!»		206
«Квартирный вопрос» (только цитаты)		210

Разговорчики в строю	.212
«Туризм» польских евреев	.215
Диалог с собакой	.216
Глава шестая. «Свои»	.218
Коминтерновцы	.222
«Революция отвергает своих детей»	.228
Юный американец	.235
«Черные русские»	.237
Сталинградский инцидент	.239
«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»	.242
Глава седьмая. Разочарование очарованных	.245
Голод	.248
Анатомия лжи	.254
Ультиматум	.257
«Ледокол»	.260
Под колпаком	.261
Глава восьмая. Дипломаты и коллекционеры	.265
Бельгийский консул	.270
Красный барон	.272
Кто не успел уехать, тот опоздал	.280
Коллекционер	.282
Красный капиталист	.286
Глава девятая. Званные гости	.295
Сталинград. Тракторы и танки	.298
Социалистический город	.300
Американский рабочий	.306
Специалист в Сибири	.314
Советское золото	.319
Отъезд	.326
Сизгл — Сеятель	.329
Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен	.330
Пастор Винс	.332

Глава десятая. Иностраный консультант	337
Лето 1989 года, Москва	337
Весна 1932 года, Атлантический океан	338
Лето 1929 года, Лос-Анджелес	341
Весна 1932 года, Париж, Ленинград, Москва	345
Первомай	350
Осень 1932 года, Москва	352
«Пышка»	357
Трудности перевода	360
«Мой опыт в России был по сути борьбой против советской бюрократии»	362
Реальность Голливуда	366
Москва, весна 1933 года	367
Дважды два — пять	370
Разлад	375
Апрель 1933 года	378
Эксперт	382
Из командировки в Утопию	384
Конец красивой жизни	386
В минуту расставания скажи мне: «До свидания»	389
Баракы, длинные как сроки	391
Рассказы о Шолохове	395
Возвращение	400
«Разная» правда	405
Литература	411

И поумнеете, и отдохнете

(считайте эти строки предисловием)

Книгу Льва Симкина я прочел (известно, что авторы предисловий не всегда столь честно поступают), и вам советую. Она интересна как минимум по двум причинам. Во-первых, своей историчностью: автор обстоятельно, но не скучно рассказывает, как принимали в СССР иностранцев — писателей (лично для меня это самые интересные главы, прочтите хотя бы эпизод с Лионом Фейхтвангером), спецов, да просто зарубежных гостей, и как вешали им лапшу на уши, создавая позитивный облик советского государства и советского человека. И часто это получалось, работали-то профессионалы — деятели культуры, журналисты и люди, скажем по-современному, из силовых структур. Прием иностранных гостей был специфической частью советской политической культуры, идеологии.

Во-вторых, в каком-то смысле традиция показать себя перед иностранцем не таким, какой ты есть на самом деле, а намного лучше, сохранилась и поныне. В ней звучат мотивы того, что теперь принято именовать «исторической правдой», которая существует параллельно правде настоящей, той, что в книге. Читая о тех временах, лучше понимаешь времена нынешние.

Книга не просто интересна. Она еще и поучительна, и полезна, поскольку автор, возможно, сам того не замечая, поясняет, как лучше разбираться во вранье, преодолевать его. В нашей стране морочат голову не только иностранцам, но и соотечественникам.

Книга мозаична в лучшем смысле этого слова. Столько фактов, столько характеристик и оценок, что порой от них устаешь. Хочется передохнуть. И в этом в особая прелесть симкинских историй — книжка притягивает. Тянет и что-то новое узнать, и уже прочитанное не позабыть.

Прочтите все десять ее глав — честное слово, не пожалее.

*Алексей Малашенко,
историк, политолог и, кстати, такой же,
как и автор книги, Лев Симкин, профессор*

Великий обман

Я расскажу тебе — про великий обман...
Я расскажу тебе — про великую ложь.

Марина Цветаева

«**М**удрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния». С этими словами в феврале 1947 года обратился к создателям фильма о грозном царе товарищ Сталин. После чего ему пришло на ум другое имя, и вождь добавил: «Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыв ворота».

Так уж повелось — из века в век существуют в России две повторяющиеся модели взаимоотношений с иностранцами (во всяком случае, с западными, появившимися у нас с конца XV века) — «ивановская» и «петровская». Своего рода матрицы. То страну приоткроют для иноземцев, то опять закроют, открытость сменяется изоляционизмом и наоборот, власть начинает оказывать им щедрое гостеприимство. Правда, гостеприимство это особого рода — их окружают множеством опекунов, но

об этом — отдельный разговор. Иной раз нам кажется, что они смотрят на нас свысока и норовят обидеть. Сейчас как раз такой период, немного затянувшийся.

В одни периоды мы верим, что заграница нам поможет, в другие — что, напротив, навредит. Но ведь, положив руку на сердце, мы — безотносительно к переживаемому периоду — считаем враждебным мир, представителями которого они являются. Это — с одной стороны. А с другой — то и дело ищем его одобрения. И стараемся повлиять на его к нам отношение с тем, чтобы оно изменилось к лучшему.

Пожалуй, наиболее эффективным это влияние было в 20–30-х годах прошлого века. За неполных два десятилетия советской власти удалось невероятное — убедить многих людей на планете в том, что ею строится самое передовое, справедливое общество в истории, а внешний мир только и ждет удобного момента, чтобы на него наброситься. И каким-то чудом сформировать этот светлый образ в условиях закрытой для свободного въезда и выезда страны.

Советский Союз закрылся от иностранцев едва ли не сразу после своего образования. Ну не то чтобы совсем закрылся, но свободно въехать в Страну Советов было весьма затруднительно. А желающих было немало. К концу 20-х годов СССР вошел в моду (примерно как Китай век спустя) и легко мог бы стать местом массового паломничества иностранцев. Знаменитая «контора Кука» направляла на нашу бывшую родину «интуристов», если тех одолевала скука и если ими овладевала охота увидеть другой, альтернативный Западу мир. Многих и многих заинтересовал социалистический эксперимент, только-только зачинавшийся. Нечто подобное случилось на

нашей памяти на рубеже 90-х, когда этот эксперимент окончательно провалился, но масштаб был уже не тот.

В 20-е годы в СССР была создана уникальная система приема иностранных гостей. На первом месте — те, от кого в первую очередь зависело формирование нужного образа Страны Советов за рубежом, западные интеллектуалы — писатели, ученые, политики, крупные журналисты. На втором — рабочие делегации, призванные после возвращения рассказать пролетариям всех стран «правду о Советском Союзе». На третьем — обычные «интуристы», целью привлечения которых была не столько валюта, сколько их идеологическая обработка.

Иностранцев, как я уже говорил, в СССР впускали немного, зато уделяли им много внимания. Немного — это сколько? Приведу несколько известных мне цифр. В 1925–1927 гг. в СССР побывало около 50 тыс. иностранцев, в том числе 11 тыс. немцев, 4 тыс. финнов, 3,5 тыс. чехов и словаков, по 2 тыс. англичан и американцев, по 1,5 тыс. французов, австрийцев, шведов, по 1 тыс. итальянцев и датчан. В середине 30-х годов число иностранных гостей несколько увеличилось, а к концу десятилетия постепенно сошло на нет. В 1937–1938 годах СССР посетили 18 тысяч человек, а в 1939–1941 годах — лишь 3 тысячи, в основном из дружественной в ту пору Германии.

Это только гости, а были еще те, кто приезжал, так сказать, навеки поселиться, о чем, правда, впоследствии иным из них пришлось пожалеть. Удивительное дело — страна, из которой традиционно эмигрировали в другие части света, после октября 1917 года стала местом массовой иммиграции иностранцев. В Советский Союз стремились все, кто симпатизировал идее строительства социализма и пожелал лично в нем участвовать. С началом

Великой депрессии к ним присоединились тысячи безработных плюс те, кто подвергся расовой и национальной дискриминации, кто мечтал получить в СССР образование, условия для научной деятельности. В 1931 году, по данным Амторга (акционерного общества, де-факто выполнявшего функции советского посольства в США вплоть до его открытия осенью 1933 года), было нанято на работу в СССР до 10 тыс. американцев, а количество обратившихся иногда составляло до тысячи в день.

Кроме того, возвращались те, кто до революции эмигрировал в Америку, в основном евреи и финны, а также русские сектанты, бежавшие за океан в поисках религиозной свободы. Поверив в социалистическое будущее — грядущий рай на земле, — они распродавали нажитое за годы эмиграции имущество и вместе с семьями возвращались на родину.

По материалам всесоюзных переписей 1926 и 1937 годов, в стране проживало соответственно 390 тыс. и 190 тыс. иностранных граждан, правда, в их числе представители стран Запада были в меньшинстве. В 1930 году на XVI съезде ВКП(б) было принято решение о приглашении в СССР 40 тыс. иностранных рабочих и специалистов для участия в проектировании и реализации крупнейших строек первой пятилетки. В 1932–1933 гг. приехало около 20 тыс. человек, а вместе с семьями 35 тыс. В одной только Москве и области, на «Шарикоподшипнике» и «Динамо», часовом и «Электрозаводе» трудилось больше 2 тыс. иностранных рабочих.

И еще «свои», политэмигранты — к 1937 году их общее количество превышало 4 тысячи человек, на первом месте немцы, на втором американцы.

В гостях у сказки

Для многих все еще остается загадкой, каким образом удалось убедить стольких людей в справедливости и гуманности советского строя. И не абы кого — в их числе властители дум, к которым прислушивались Европа и Америка. Бернард Шоу и Герберт Уэллс, Ромен Роллан и Анри Барбюс — все они внесли свой вклад в прославление сталинского Советского Союза, ни один из них не заметил ни начала Большого террора, ни голода, ни атмосферы страха, ничего такого.

Тому были свои причины. «Да, был культ. Но была и личность!» Эта фраза, приписываемая обыкновенно Михаилу Шолохову, получила известность в середине прошлого века, после «разоблачения культа личности Сталина». Здесь же она приведена не для того, чтобы славить эту личность, а чтобы напомнить — в Советском Союзе было много и вправду хорошего, что не могло гостям не понравиться. Им надоел капитализм с его кризисами, а тут впервые в истории человечества как будто победила справедливость, бедным предоставляют жилье и возможность получить образование, бесплатно лечиться. Миру был предложен новый цивилизационный проект — без сословий, уравнивший в правах всех граждан, мужчин и женщин, реализован принцип «кто не работает, тот не ест». Мало того, далекий Советский Союз, искоренив безработицу, строил гиганты индустрии, осваивал Арктику. И все это на фоне происходившей на Западе Великой депрессии.

Английский писатель Артур Кёстлер, проведший 1933 год в Советском Союзе, на своем примере показал, как, попав в «закрытую систему», западный интеллектуал постепенно утрачивал способность к самостоятельному

мышлению. Он «не мог не заметить азиатской отсталости жизни, апатичной толпы на улицах, в трамваях и на вокзалах; невероятных жилищных условий, из-за которых все промышленные города казались одной огромной трущобой (две-три пары в одной комнате, разделенной висящими простынями), голодных кооперативных пайков или того, что цена килограмма масла на рынке равнялась среднемесячной зарплате рабочего». Осознавая, что «трудящимся в капиталистических странах жилось лучше, чем в Союзе», он оправдывал это тем, что «в СССР уровень постоянно рос, а там — постоянно снижался...»

Советское государство больше, чем любое другое государство в истории, уделяло внимание пропаганде. Ее успеху способствовал дореволюционный пропагандистский опыт большевиков. К тому же в условиях экономического кризиса 1929–1933 годов пропаганда опиралась на реальные факты резкого ухудшения положения народонаселения стран Запада.

«Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф, — восклицал товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б) (январь 1934 года), — СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства». Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся и нарастании классовой борьбы надолго остался в центре внимания мощнейшей советской пропаганды. Автора этих строк, как и его родившихся после Второй мировой ровесни-

ков, полвека спустя все еще учили тому, что общий кризис капитализма продолжает углубляться.

Николай Бердяев в своей «Философской автобиографии» призывал «увидеть не только ложь, но и правду коммунизма». Ложь коммунизма, по его мнению, «есть ложь всякого тоталитаризма», отрицающего свободу, «но социально в коммунизме может быть правда, несомненная правда против лжи капитализма, лжи социальных привилегий».

Сталинский социализм — сродни вере, своего рода эрзац-религия. «Земля Ханаанская сместилась на северо-восток», — писала в 1932 году из СССР в письмах к оставшемуся в Англии другу Памела Трэверс. И одновременно — эрзац-наука. Среди «друзей СССР» было много ученых, для которых, по всей видимости, имело значение, что советская идеология позиционировалась в качестве научной доктрины. В свою очередь, люди искусства стремились попасть в Москву — оплот мирового авангарда и новой эстетики.

Сталинский социализм — сродни любви. Странники из-за границы верили в то, что едут в первую справедливую страну на свете, стремились в СССР как в землю обетованную, очарованные мечтой. Как полагал философ Карл Кантор, социализм был самой гуманной, самой демократичной, самой свободолюбивой идеей, которая только может быть. Странники стремились в страну большевиков словно в пещеру Лейхтвейса, ожидая увидеть невозможное, найти то место, где царит справедливость и всеобщее счастье, и находили этому подтверждение, охваченные иллюзией мгновенного прозрения. Они были заранее очарованы тем, чего не знали, то было очарование не злом, как иногда говорят, а неизведанным, они были странниками, очарованными социализмом.

Джентльменский набор советских пропагандистов, рассчитанный на за границу, включал не только рассказ о преимуществах советского строя перед капиталистическим, но и преувеличенное представление о роли СССР как одного из мировых «центров притяжения», влияющего на всю систему международных отношений. «Англия и Америка выступали в качестве такого центра для буржуазных правительств, — говорил товарищ Сталин на XIV съезде партии (1925), — а СССР — для рабочих Запада». Иностранцам предлагалось ощутить чувство сопричастности к родине социализма, отсюда их эмоциональная самоидентификация с Советским Союзом.

Правда, были и те, кто предупреждал, что сталинский режим не имеет ничего общего с социализмом, каким его видели западные интеллектуалы, а скорее подобен гитлеровскому режиму. «...Ничто, по моему мнению, так не способствовало извращению идеи социализма, как убеждение в том, что Россия — социалистическая страна», — писал Джордж Оруэлл в предисловии к одному из изданий «Скотного двора». Но его мало кто слушал.

...Несмотря на уговоры друзей, начитавшихся об «ужасах большевизма», приехал в Москву Джон Вест из штата Огайо, герой фильма Льва Кулешова «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924). В Москве у него украли портфель беспризорники, а потом наивный американец стал объектом вымогательства шайки мошенников. Переодевшись по образу «страшного большевика» из американского журнала, найденного в украденном беспризорниками портфеле, они инсценируют арест мистера Веста и последующий побег, чтобы получить за него выкуп. Но все заканчивается хорошо — злоумышленников арестовывает москов-

Кадр из кинофильма «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924 год)

ская милиция, доблестный представитель которой в финале показывает Весту обновленную большевиками Москву.

Фильм настолько хорош, что его можно смотреть и сегодня. И даже поверить в то, что там видишь. Вот только одна деталь, возможно, смутит искушенного зрителя — в той Москве стоит Храм Христа Спасителя, впоследствии снесенный теми же большевиками. А со зрителем неискушенным вполне может произойти то, о чем когда-то предупреждал поэт Павел Коган.

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.

«Большевики показали миру, какой великой силой является мудро и энергично проводимая пропаганда», — писал в свой МИД польский посланник в СССР Станислав Патек (1927). Западные пропагандисты уступали советским по всем фронтам. Это они создали коммунистическую сказку, привлекательный для всего мира образ одной шестой части суши как райского места с обилием лесов, полей и рек, где так вольно дышит человек. Многие мечтали побывать в гостях у сказки и самим увидеть, как

...там и тут
Птицы райские поют.
И висят, качаясь сами,
Ветки с райскими плодами,
И порхают мотыльки,
Многоцветны и легки...
Чужеземцы, в удивленье
От такого представленья,
Рты разинувши сидят
И во все глаза глядят...¹

Ленин, как вспоминал его близкий соратник Карл Радек, называл иностранцев, агитирующих за Советы, «полезными идиотами». В наши дни обзывать их этими словами, думаю, не вполне справедливо. Во-первых, они знали куда меньше, чем мы сейчас, и потому могли вполне искренне испытывать очарование страной большевиков. И, во-вторых, в практическом смысле они не были такими уж идиотами. Статус «друзей Советского Союза» (публичной защиты и восхваления СССР) нес с собой для западных интеллектуалов конкретную выгоду. Скажем, писатели могли рассчитывать на приглашения в

---

¹ Наталья Кончаловская. Наша древняя столица.

СССР, где, помимо прямых расходов на поездки (чем не гранты из будущего?), им помогали материально. И, главное, платили в валюте за переведенные на русский язык и изданные у нас книги. СССР не присоединился к международным конвенциям об авторском праве, и никому другому и, конечно же, русским писателям-эмигрантам никаких отчислений не полагалось. А сочувствующих иностранных журналистов подкармливали советские посольства, Наркомат иностранных дел располагал для этого специальными фондами. В 1935 году бюджет, предназначавшийся для французской прессы, составлял свыше 110 тыс. франков в месяц.

«Хорош выбор — между удавкой и веревкой!» (Марина Цветаева)

Любовь к Советскому Союзу обуславливалась еще одним немаловажным обстоятельством. Тут сказывались не только личные социалистические симпатии европейских «левых», но и боязнь грядущего наступления нацизма. «В мире, безумно балансирующем между фашизмом и коммунизмом как двумя формами тирании, — рассуждала в 1932 году путешествовавшая по СССР Памела Трэверс, — писатели, оказавшись перед выбором, вынужденно предпочитают последний».

Почему так? Думаю, дело в специфических особенностях национал-социалистического зла, понятных уже тогда, до учиненных им чудовищных злодеяний. Нацисты не скрывали или почти не скрывали античеловеческой составляющей их учения. Все, что следовало знать о нацизме, можно было почерпнуть из его «библии», «Майн Кампф» — там есть и «высшая», и «низшие»

расы, и «еврейская угроза». Если они и стремились к добру, то лишь для своего народа, да и то выборочно. Коммунисты же изначально исповедовали светлую идею, истоки которой недалеко от тех, что можно обнаружить в религиозных текстах. В Советском Союзе в те годы с идеологией была полнейшая непредсказуемость. Сегодня надлежало бороться с левым уклоном, завтра с правым, а послезавтра — с доселе неведомым лево-правым. В отличие от расовой идеи, идею классовую мало кто принимал всерьез, Сталину в каком-то смысле было все равно, кого сажать.

Про нацистскую Германию в Европе больше знали, чем про Советский Союз — и о концлагерях, и о кострах из книг, для писателей особенно неприятных. А о том, что происходило в Советской России, на Западе ходили лишь сплетни, да время от времени появлялись какие-то перебежчики, ну да кто их слушал.

И, тем не менее, за границей об СССР знали гораздо больше, чем советские люди — о Западе. Несмотря на то что «этот пункт был связан рельсами со всем миром — с Афинами и Апеннинским полуостровом, а также с берегом Тихого океана, — никто туда не ездил: не было надобности». Андрей Платонов, которого я только что процитировал, понятно, иронизировал, за границу советского человека попросту не выпускали.

«Можно сказать, что то небольшое, что знают в России о загранице, — писал немецкий философ Вальтер Беньямин, — находится в том же положении, что червонец: в России это очень большая денежная ценность, а за границей его даже не включают в курсы валют»¹

---

¹ В результате советской денежной реформы, проведенной после роста денежной массы в 54 370 раз, основной денежной единицей был

Это отмечали едва ли не все иностранные визитеры. Тот же Артур Кёстлер удивлялся «искаженному до абсурда понятию о жизни в капиталистическом обществе...». «Поначалу я вздрагивал, — пишет он, — когда после лекции слышал вопросы вроде таких: “Когда вы оставили буржуазную прессу, отобрали ли у вас провольственные карточки и выбросили ли вас тут же из комнаты?”, “Сколько в среднем умирает от голода французских семей: а) в сельской местности и б) в городах?”...» В пособии по игре в шахматы утверждалось, что «за границей, в капиталистических странах рабочий класс и крестьянство ...не имеют доступа в шахматные кружки».

«...Гордость советского гражданина подогревается ценою искажения истины, — это уже Ромен Роллан отмечал в своем тайном “Московском дневнике”. — Систематически замалчивается или искажается информация, идущая из-за границы. ...Миллионы честных советских тружеников твердо верят, что все лучшее, что у них есть, создано ими самими, а весь остальной мир лишен этих благ».

Ну, пожалуй, достаточно. Пора переходить к рассказам самих иностранцев об их пребывании в Стране большевиков, к их свидетельствам об увиденном. Понятно, их взгляд на советскую жизнь мог быть достаточно легковесен, и все же, в отличие от наших сограждан, им было с чем ее сравнивать. И, главное, читая их рассказы, можно не только увидеть Советскую Россию

объявлен червонец, равный российской дореволюционной золотой десятке. Тем не менее в середине 1920-х годов его покупательная способность была в два раза ниже, чем у довоенного рубля.

глазами чужестранцев, но и попытаться понять, каким образом происходило их оболщение.

Нет, речь не о пропагандистских книжонках типа той, что вышла с вступительной статьей Карла Радека к 15-й годовщине «Великого Октября». Под заголовком «Глазами иностранцев» собрали очерки ста зарубежных авторов, признававших, что «Октябрьская революция явилась тем великим историческим этапом, который кладет начало новой человеческой эре», а «СССР — единственная страна, где есть жизнь, где рождается новый человек, где куется новое будущее». Речь о других книгах, основанных на личном знакомстве с советской действительностью. Часть из них написаны тогда же, часть — позже. Среди них есть книги апологетические, есть — критические, ведь с конца 30-х годов, начиная с Московских процессов¹, на Западе началось просто-таки коллективное прозрение. К тому же часто те, кто в большей степени соприкасался с реальной жизнью, иностранные корреспонденты да работавшие в СССР инспециалисты, после отъезда превращались из энтузиастов социализма в его обличителей.

Ну что ж, на этом предуведомление к книге можно считать законченным, осталось только привести список тех, чьими глазами увидит читатель Страну большевиков.

---

¹ Московские процессы — общепринятое на Западе название трех открытых судебных процессов, состоявшихся в Москве в 1936–1938 годах над видными большевиками, в 20-е годы связанными с партийной оппозицией.

Действующие лица

Почетные гости

Анри Барбюс (1873–1935) — французский писатель, член Французской коммунистической партии. Посетил СССР в 1927, 1932, 1934 и 1935 годах. Автор биографии Сталина, ему принадлежал слоган «Сталин — это Ленин сегодня».

Сидней Джеймс Вебб (1859–1947) — английский экономист и политический деятель. Беатриса Вебб (1858–1943) — социолог, экономист. В 1932 году супруги посетили СССР, после чего опубликовали книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?»

Хьюлетт Джонсон (1874–1966) — британский религиозный деятель, проповедовал коммунизм с амвона Кентерберийского собора. В 1937 году посетил Советскую Россию, свои впечатления о «величайшем социальном эксперименте» изложил в книге «Советская держава. Социалистическая шестая часть мира».

Теодор Драйзер (1871–1945) — американский писатель. В 1927 году приглашен в СССР для участия в праздновании десятой годовщины Октябрьской революции. После поездки опубликовал книгу «Драйзер смотрит на Россию».

Андре Поль Гийом Жид (1869–1951) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Посетил Советский Союз летом 1936 года.

Эмиль Людвиг (1881–1948) — немецкий писатель, автор биографий Гете, Бисмарка. Брал интервью у Сталина в декабре 1931 года.

Ромен Роллан (1866–1944) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, приезжал в Москву в июне 1935 года.

Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) — английский писатель, автор известных научно-фантастических романов. Дважды приезжал в Москву, в сентябре 1920 года встречался с Лениным, в июле 1934 года был принят Сталиным.

Лион Фейхтвангер (1884–1958), один из наиболее читаемых в мире немецких писателей, автор исторических романов. По приглашению Советского правительства в 1937 году два месяца провел в СССР, был принят Сталиным.

Джордж Бернارد Шоу (1856–1950) — ирландский драматург, лауреат Нобелевской премии в области литературы, самый цитируемый писатель мира. Посетил СССР в июле 1931 года.

Литераторы

Вальтер Беньямин (1892–1940) — немецкий писатель и философ, посетил Москву в декабре-январе 1926–1927 годов.

Бертольт Брехт (1898–1956) — немецкий драматург, поэт, театральный деятель. Посетил Москву весной-летом 1935 года.

Иржи Вайль (1900–1959) — чешский писатель, в 1933–1935 годах работал в Москве журналистом, после убийства Кирова отправлен в ссылку в Казахстан.

Ян Валтин (Рихард Кребс) (1905–1951) — немецкий писатель, агент Коминтерна. Автор книги «Из мрака ночи».

Джордж Сильвестр Вирек (1884–1962) — немецко-американский поэт, журналист. Посетил Советский Союз в июле 1929 года. Автор книги «Пленники утопии. Советская Россия глазами американца».

Дьюла Ийеш (1902–1983) — венгерский поэт, в 1934 году приезжал в СССР, посетил проходивший в Москве ан-

- тифашистский Международный конгресс писателей в защиту культуры, автор книги «Россия. 1934».
- Панаит Истрати (1884–1935) — французский писатель, в 1927 году посетил СССР. Автор книги «К другому пламени. После шестнадцати месяцев в СССР. Исповедь для побежденных» (1929).
- Мирослав Крлежа (1893–1981) — хорватский писатель. Посетил СССР в 1926 году. Автор книги «Поездка в Россию».
- Артур Кёстлер (1905–1983) — британский писатель и журналист, в середине 30-х гг. год прожил в Советском Союзе. Автор романа «Слепящая тьма».
- Куусинен Айно (1886–1970), финская писательница, сотрудница Коминтерна, агент военной разведки. Автор книги «Господь низвергает своих ангелов».
- Курцио Малапарте (1898–1957) — итальянский писатель, посетил СССР в 1929 году. Автор романа «Бал в Кремле».
- Поль Моран (1888–1976) — французский писатель, в 1924 году посетил СССР, автор повести «Я жгу Москву» (1925).
- Витезслав Незвал (1900–1958) — чешский поэт, живописец и композитор, в 1934 году был делегатом I съезда советских писателей, автор книги «Невидимая Москва» (1935).
- Джон Дос Пассос (1896–1970) — американский писатель. В 1928 году провел несколько месяцев в СССР.
- Гвидо Пуччо (1894–1980) — итальянский журналист, в 1928 году посетил СССР.
- Уильям Сароян (1908–1981) — американский писатель армянского происхождения, посетил СССР в 1935 году.
- Луи-Фердинанд Селин (1894–1961), французский писатель, посетил Советский Союз в 1936 году.

Виктор Серж (1890–1947) — французский и русский писатель, в Париже примкнул к анархистской банде, грабившей банки, в 1913 году осужден, в 1919-м обменян на французского офицера, задержанного петроградской ЧК. В СССР работал в Коминтерне, в 1933 году за участие в оппозиции выслан из Москвы, в 1936 году Сталин разрешил ему покинуть СССР.

Памела Линдон Трэверс (1899–1996) — австралийская писательница, автор книг о Мэри Поппинс. В 1932 году совершила путешествие в Советскую Россию, после чего выпустила сборник эссе «Московская экскурсия» (1934).

Сигрид Унсет (1882–1949) — норвежская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе. В апреле 1940 года эмигрировала из оккупированной Норвегии в США (через территорию СССР).

Бруно Ясенский (1901–1938) — французский, польский и советский писатель, с 1929 по 1937 годы жил в СССР, автор романа «Я жгу Париж».

Журналисты

Коррадо Альваро (1895–1956) — итальянский писатель, журналист, провел лето 1934 года в Советском Союзе и написал серию репортажей для газеты «La Stampa», из которых позднее составила книга «Творцы потопа. Поездка в Россию».

Уолтер Дюранти (1884–1957) — американский журналист британского происхождения, руководитель московского бюро *The New York Times* (1922–1936). Лауреат Пулитцеровской премии 1932 года за написанную в 1931 году серию очерков о первой сталинской пятилетке.

Юджин Лайонс, урожд. Евгений Натанович Привин (1898–1985) — американский писатель, журналист. В 1928–1934 годах работал корреспондентом *United*

Press International в Москве. Автор книги «Командировка в утопию» (1937).

Томас Малкольм Маггеридж (1903–1990) — английский журналист. В 1932 году приехал в Москву, без разрешения властей совершал поездки на Украину и Кавказ и рассказал об увиденном там массовом голоде в своих статьях, пересылаемых дипломатической почтой, избегая цензуры.

Луис Фишер (1896–1970) — американский журналист, с 1922 по 1934 годы московский корреспондент еженедельника *The Nation*.

Дипломаты

Джозеф Эдвард Дэвис (1876–1958), посол США в СССР (1936–1938), автор книги «Миссия в Москву» (1942).

Жозеф Дуйе (1878–1954) — бельгийский дипломат. Жил в России и СССР с 1891 по 1926 год, автор книги «Москва без вуали».

Карлис Озолс (1882–1941) — посланник Латвии в СССР в 1923–1929 гг. Автор книги «Мемуары посланника».

Иноспециалисты

Хоней Франк Бруно (1895–1979) — американский механик, работавший на Сталинградском тракторном заводе и помогавший рабочим освоить американскую технику. Автор книги «Я уехал из Америки».

Зара Виткин (1900–1940) — американский инженер, работал в СССР в 1932–1934 гг. Автор книги «Американский инженер в сталинской России».

Рудольф Волтерс (1903–1983) — немецкий архитектор, разработчик шпееровского плана перестройки Берлина, в 1932–1933 гг. работал в Советском Союзе. Автор книги «Специалист в Сибири».

Джон Литтлпейдж (1894–1948) — американский горный инженер, работал в СССР в 1928–1937 гг. Автор книги «В поисках советского золота».

Роберт Робинсон (1906–1994) — американский инженер-механик, в возрасте 23 лет покинувший США. Жил в СССР с 1930 до 1974 года. Автор книги «Черный о красных: 44 года в Советском Союзе».

Томас Сговдио (1916–1997) — американский художник, бывший коммунист, жил в СССР в 1935–1960 гг. Автор книги «Дорогая Америка».

Джон Скотт (1912–1976) — американский рабочий, участник строительства Магнитки, провел в Советском Союзе с 1932 по 1941 год. Автор книги «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали».

И примкнувший к ним бизнесмен — американский миллионер Арманн Хаммер (1898–1990), создатель одной из крупнейших нефтяных компаний США Occidental Petroleum, жил в СССР в 1922–1930 гг.

Это лишь те иностранцы, кто оставил свои свидетельства, а были еще те, кто ничего не оставил, не успел или не захотел, но они упоминаются в мемуарах других, так что их глазами мы тоже кое-что увидим. Ну что ж, начнем!

Глава первая

Пыль в глаза

Сталин любил и умел пускать иностранцам пыль в глаза.

Валентин Бережков

Кому, как не сталинскому переводчику, было этого не знать! Правда, особого опыта общения с иностранцами у Сталина поначалу не было. Как утверждал в одном из интервью Троцкий, «Сталин не знает ни иностранных языков, ни иностранной жизни». Ну не то чтобы совсем не знал языков, на этот счет были и другие свидетельства. Но, в отличие от большинства большевистских вождей, Сталин не жил в эмиграции, до революции ездил за границу в основном на партийные съезды, а после — практически никуда не выезжал.

Легче всего ему было общаться с зарубежными единомышленниками. Восемьдесят делегатов из одиннадцати стран, приехавших на празднование десятой годовщины Октябрьской революции, разговаривали со Сталиным 5 ноября 1927 года на протяжении шести часов. На их вопросы он отвечал, как говорили в ту пору, с большевистской прямоотой.

— Почему в СССР нет свободы печати?

— Для какого класса — буржуазии или пролетариата? — мгновенно парировал Сталин. — Если речь идет о свободе печати для буржуазии, то ее нет у нас и не будет.

— Верно ли, что нынешние вожди предали рабочих в руки контрреволюции?

— Правда, — отвечал Сталин с доброй улыбкой, — как и то, что большевики решили вернуть капиталистам фабрики и заводы, а также перейти «к питанию человеческим мясом», национализировать всех женщин и «ввести в практику насилдование своих же собственных сестер».

Общий смех — гласит стенограмма.

Шутить на таком уровне с западными интеллектуалами вряд ли было возможным. Тем более с наиболее именитыми из них, а других Сталин не пускал в свой кремлевский кабинет. Вот список «допущенных» — Бернард Шоу и Эмиль Людвиг (1931), Герберт Уэллс (1934), Анри Барбюс (1932 и 1934), Ромен Роллан (1935) и Лион Фейхтвангер (1937). Тут сплошь знаменитости, нобелевские лауреаты или в крайнем случае те, кто не мог ими стать, будучи автором всего лишь «жанровой литературы». Как выяснилось из рассекреченных архивов Нобелевского комитета, Герберт Уэллс номинировался несколько раз, но был отвергнут как «слишком популярный».

Встречи с ними позволили Сталину гораздо лучше подготовиться к череде встреч с главами западных государств во время Второй мировой войны. Как справедливо заметил историк Леонид Максименков, «добытые ...навыки общения со свободными людьми, а не с крепостными подчиненными Сталин будет мастерски применять в беседах с иностранными политическими

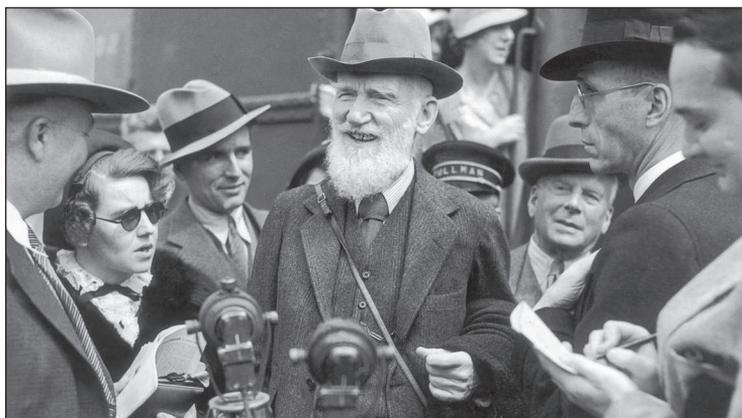
деятелями». Речь о будущих встречах с Черчиллем и Рузвельтом в Москве, Тегеране и Ялте, с Трумэнном и Эттли в Потсдаме.

Визит с дамой (июль, 1931)

В июле 1931 года в Москву прибыл знаменитый драматург, нобелевский лауреат Бернард Шоу. Встречали его на границе как важного гостя (по его словам, как «самого Карла Маркса»). Приехал Шоу не один. «Лорд и леди Астор, ...землевладельцы огромного масштаба», — так он представил своих спутников, выступая в Колонном зале, где праздновалось его 75-летие. И добавил, подмигнув публике: «Не ругайте их за это. Это — не их вина. Это вина британского пролетариата, пролетариата всего мира, только он может освободить их от этого положения».

Так, подтрунивая над своими попутчиками, Шоу знакомил представителей советского пролетариата с образцами английского юмора. Неизвестно, насколько его остроты были понятны аудитории, возможно, что ею слова Шоу были восприняты всерьез. Собственно, своего рода шуткой было уже то, что с собой в поездку он пригласил аристократов.

Впрочем, в любом случае десятидневный визит Шоу в СССР в 1931 году был великой победой советской пропаганды. Еще бы, всемирно известного писателя уговорили отпраздновать его семьдесят пятый день рождения в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, по соседству с которым, в Октябрьском зале, спустя пять лет пройдут показательные Московские процессы над видными большевиками, объявленными троцкистами и «правыми»

Бернард Шоу

оппозиционерами. Выступления солистов Большого театра и русского народного хора перемежались здравицами в честь «друга советского народа». Луначарский сравнивал Шоу с Джонатаном Свифтом и Салтыковым-Щедриным. Шоу, в свою очередь, славил советскую власть. «Англичане должны стыдиться», — говорил он, — поскольку не совершили столь великой революции, да и «все народы Запада должны испытывать это чувство стыда».

29 июля 1931 года, спустя три дня после юбилея, гостей принял Сталин. «По пути в кабинет мы прошли три или четыре комнаты, — пишет Шоу, вспоминая этот день. — В каждой из них за письменным столом сидел чиновник». После чего иронически добавляет: «Как мы догадывались, в ящике письменного стола он держал наготове пистолет».

О вооруженной до зубов охране Сталина на Западе много писали. 13 января 1933 года Драйзер обратился с подобным предложением к председателю Амторга Бог-

данову: «Мне бы хотелось получить написанное Сталиным выступление на любую тему, в 500, 600 или 700 слов. Например, на тему о том, что живет он крайне просто, а не в роскоши, и что его не охраняют с пулеметами, как ходят слухи».

Гости шли по второму этажу Первого корпуса Кремля (до революции он назывался Сенатским), построенного в 70-е — 80-е годы XVIII века архитектором Матвеем Казаковым. Рабочему кабинету Сталина предшествовала просторная приемная (в ней сидели начальник личной охраны вождя В. Н. Власик и его помощник А. Н. Поскребышев) и так называемый предбанник, где дежурили офицеры охраны, которые предлагали посетителям сдать оружие, если таковое имелось.

Окна сталинского кабинета выходили на Арсенал. В 1933 году по указанию Сталина в здании сделали перепланировку, изменили интерьеры: стены обили дубовыми панелями со вставками из карельской березы, двери установили дубовые. Ковровая дорожка вела к большому письменному столу, заваленному книгами, и столу для заседаний, покрытому зеленым сукном. На столе — телефон и ручка, чернильница, графин с водой, стакан с чаем, пепельница. В углу — печь, которую топили дровами.

Стенограмма двухчасовой встречи ни тогда, ни после не была обнародована — видно, Бернард Шоу наговорил чего-то такого, что Сталина никак не устраивало. А может, и не он, а леди Астор — первая женщина, ставшая депутатом Палаты общин, известная своим острословием. «Если бы я была вашей женой, Уинстон, — сказала она однажды Черчиллю, — то подсыпала бы вам яд в кофе. — А если бы я был вашим мужем, — ответил тот, — то выпил бы его».

Сам Шоу в своих воспоминаниях пишет, что беседа началась с яростной атаки леди Астор, которая сказала, что большевики не умеют обращаться с детьми. Сталин на мгновение опешил, а потом произнес «с презрительным жестом»: «В Англии вы бьете детей».

Вот, оказывается, откуда у нас пошла эта манера — отвечать на обвинение обвинением — «а у вас негров бьют».

О встрече со Сталиным есть еще одно свидетельство, согласно которому леди Астор фактически назвала вождя убийцей, задав ему такой вопрос, который переводчик сперва даже не решился перевести. «Когда вы прекратите убивать своих подданных?» — спросила она. На что Сталин ответил довольно-таки уклончиво: «В нашей стране идет борьба с нарушителями конституции. Мир наступит, когда нарушения прекратятся».

Спустя три года Сталин принимал Герберта Уэллса. Согласно опубликованной стенограмме их беседы, вождь заметил (сознательно, зная об их давнем соперничестве с Шоу): «Не для того, чтобы вам польстить, а совершенно искренне должен сказать вам, что разговор с вами мне доставил большее удовольствие, чем разговор с Бернадом Шоу». Уэллс не замедлил с ответом: «Наверное, леди Астор никому не давала слова сказать».

...Приведу еще один пример, когда Шоу огорошил сопровождавших его лиц неожиданным парадоксом. «Вы, наверное, с ума сошли, что прославляете восстание теперь, когда революция — это правительство? — сказал он своим спутникам при посещении Музея революции. — Вы что, хотите, чтобы Советы были свергнуты? И разве благоразумно учить молодежь, что убийство Сталина будет актом бессмертного героизма? Выбросьте отсюда всю эту опасную чепуху и превратите это в музей закона и порядка».

«Русские не так глупы...»

Вернувшись в Лондон, Бернард Шоу не преминул сообщить послу СССР в Великобритании Ивану Майскому, что был принят в СССР как «королевская особа», а для публики прочел полуторачасовой доклад о поездке, где рассказал о том, что ему еще понравилось. «В России нет парламента или другой ерунды в этом роде. Русские не так глупы, как мы».

За десять лет до того Шоу ровно за то же самое расхваливал Ленина. «В данный момент есть один только интересный в самом деле государственный деятель Европы, — писал он в статье “Ужасы Советской России”. — Имя его — Ленин». А все потому, что «в России нет выборов. ...Нет никакого смысла ждать, пока большинство народа, очень мало понимающее в политике и не интересующееся ею, не проголосует вопроса...».

«После лондонской лекции, — писал тогда же американский журналист Генри Уодсворт Лонгфелло Дан, — говорили, что после многих лет представления других дураками Шоу наконец и себя выставил дураком».

Может, и выставил, но дураком в практическом смысле он никак не был. Во всяком случае Сталин приказал перечислить Шоу в Англию гонорар за изданные в СССР сочинения — 10 тысяч фунтов стерлингов. И это при том, что СССР не присоединился к Бернской конвенции 1886 года об авторском праве и авторское вознаграждение зарубежным писателям не платили.

Первое интервью по возвращении из СССР Шоу дал еще в Берлине. Отвечая на вопрос, верны ли слухи по поводу голода в СССР, Шоу заметил: «Помилуйте, когда я приехал в Советский Союз, я съел самый сытный обед в моей жизни!» Фактически он повторил то, что говорил

в Колонном зале, рассказывая, как всхлипывающие родственники собирали его в дорогу, нагружая корзинами еды, подушками и палатками, и что все это пришлось выбросить за ненадобностью.

В это самое время в стране массового голода и вправду не было — еще не было, — но два года спустя, в его разгар, в 1933 году, Шоу в открытом письме в газету *The Manchester Guardian* вновь утверждал, что никакого голода там нет и в помине. Он отрицал, что «Россия на хлебе и воде», и славил коллективизацию как «превращение шахматной доски с малюсенькими квадратиками захудалых хозяйств в огромную, сплошную площадь, дающую колоссальные результаты».

В том же интервью он заметил, что Сталин — «очень приятный человек, гигант», тогда как «все западные деятели — пигмеи». Мог ли Шоу не понять, что перед ним диктатор, или это у него такой английский юмор, когда иронические замечания высказываются с совершенно невозмутимым лицом? И то и другое возможно, ведь он давно уже разочаровался в парламентской демократии и потому видел в «коммунистическом эксперименте» спасение от «коллапса и распада» цивилизации. И не только в коммунистическом. «Проблемы решают» диктаторы, — говорил он, — путь к утопии лежит через диктатуру. В 1933 году Шоу назвал Гитлера «выдающимся и очень способным человеком». «Я сужу о Муссолини, Кемале, Пилсудском, Гитлере ...по их способности обеспечить товары, а не по представлениям о свободе. Сталин обеспечил товары так, как еще десять лет назад было невозможно; и я снимаю перед ним шляпу».

Не только Шоу вернулся домой поклонником Сталина, но и сам стал сталинским любимцем. Спустя не-

сколько лет, после заключения пакта с Германией, Сталин напишет передовую для «Известий» (9 октября 1939 года), в которой процитирует статью Шоу, где тот призывает английское правительство «заклучить мир с Германией и со всем остальным миром». «Следует признать, — напишет Сталин, — что Бернард Шоу во многих отношениях прав». И особенно в том, что критиковать нужно не нацистскую Германию, а «демократические» правительства Запада». Именно так, не надо критиковать Германию Гитлера...

Крамольные вопросы (декабрь, 1931)

«Сталин производит впечатление человека, который находится на своем месте». В октябрьском выпуске журнала *Esquire* за 1933 год был опубликован очерк Эмиля Людвига под названием «Человек по имени сталь». Он описывает Сталина с явной симпатией, что, возможно, отчасти объясняется своего рода стокгольмским синдромом. «...Несмотря на то что он обладал властью, которая позволила бы ему в любой момент бросить меня в тюрьму, — пишет он, — меня не оставяло желание ему помочь».

Эмиль Людвиг, оказавшийся 13 декабря 1931 года в сталинском кабинете, — автор популярных биографий Наполеона, Гёте и Бисмарка, — на рубеже 30-х годов пользовался европейской популярностью. Ему охотно давали интервью европейские лидеры. До Сталина он брал интервью у Ататюрка и Муссолини, который к разговору с ним настолько основательно подготовился, что даже прочел его книги. Зато Геббельс называл его книги «вульгарными еврейскими выдумками».

Эмиль Людвиг

«Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы “доверить своих детей”, — так Троцкий писал о нем в очерке “Сталин”. — Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать».

Впрочем, интерес представляют не столько его оценки, сколько то, что он задал вождю довольно-таки острые вопросы, такие, которые мог задать Сталину только иностранец, и тому пришлось на них отвечать.

«Людвиг. Мне кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед советской властью и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость советской власти.

Сталин. Вы ошибаетесь... Неужели вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно».

Только что я процитировал стенограмму их беседы, опубликованную в 13-м томе собрания сочинений Сталина.

Еще более крамольным было упоминание Людвигом, хотя и вскользь, прошлого самого Сталина. «В Европе вас изображают как кровавого царя или как грузинского бандита», — сказал Людвиг вождю. Вопрос был вы-